

УДК: 821.161.1

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ:
ПОЭТ, ТЕОРЕТИК СТИХА И ПЕРЕВОДЧИК

Жуковская Татьяна Никитична,

*научный сотрудник,
Литературно-художественный музей Марины и Анастасии Цветаевых, г.
Александров
(РФ, г. Москва),
e-mail: zhukt07@rambler.ru*

В статье анализируется жизнь и творчество поэта, переводчика, литературоведа Георгия Шенгели, которые неразрывно были связаны с Крымом, его становление на литературном пути, взаимоотношения с футуристами, полемика с В. Маяковским. Также в статье представлены фрагменты из беллетризованных мемуаров «Черный погон», не оконченные автором и до сих пор не опубликованные полностью.

Ключевые слова: *Георгий Шенгели, Крым, Керчь, футуризм, Коктебель, Максимилиана Волошин, Пушкин, Брюсов, полемика, литературоведение, техника стиха.*

Мне представляется, что люди, а тем более поэты, детство и юность которых связаны с Крымом, представляют особый человеческий тип. Почти современники Георгия Шенгели, керченские гимназисты, Юрий Терапиано и Людвиг Домгер, образ своего города несли и за границей. А Георгий Шенгели воспевал Керчь и крымскую природу всю свою жизнь, во всех уголках СССР, куда его забрасывала судьба. Будь то холодная Москва, где он провел большую часть жизни, или жаркая Средняя Азия. Двадцатилетним в 1916 году он написал «Босфор Киммерийский»:

*Песчаных взморий белопенный лук,
Солончаковые глухие степи.
И в тусклом золоте сгущенных сепий
Вздывается оплавленный Опук.
Раздавленный базальт, как звенья цепи,*

*На сланцевых боках означил круг.
Волцы и терн. И тихо вьет паук
Расчисленную сеть великолепий.
Потоки вздутые остылых лав
Оставили железно-бурый сплав
И пыл свой отдали в недвижный воздух.
И медленный плывет свинцовый зной,
Растягиваясь в колоссальных звездах,
В рубинных радугах над крутизной.*

Рано потеряв родителей, Георгий воспитывался бабушкой по матери Марией Николаевной Дыбской (1840–1914) в Керчи. Там он закончил Александровскую гимназию, и, будучи еще гимназистом, в 15 лет начал сотрудничать в керчинских газетах «Керчь-Феодосийский курьер», «Керченское слово» и др. Писал хронику, фельетоны, статьи.

В 1912 года Шенгели начал пробовать писать стихи, а в конце 1913 года опубликовал их в газете (анонимно или под псевдонимом). Сам же он в статье «О моей работе» (1951) упоминает, что его первые стихотворные переводы стали печатать с 1914 года и выражает благодарность учителю французского языка, благодаря которому приобщился к французской поэзии. Языки вообще давались ему легко, с детства он знал кроме французского, и английский, и немецкий. Впоследствии он стал мастером перевода, об этапах своего мастерства он и пишет эту

*Георгий Шенгели.
Керчь. 1910 год*

статью в поздние годы.

В январе 1914 года в Керчь приехали ведущие футуристы. Так называемую «Олимпиаду Российских футуристов» организовал симферопольский футурист, поэт, писатель и драматург, Вадим Баян (Владимир Иванович Сидоров (1880–1966), он же ее частично и финансировал. В 1910-е годы и далее в Гражданскую войну Баян жил в Симферополе, организовал литературное объединение, помогал молодым поэтам, в том числе Борису Поплавскому. Наиболее известным поэтом в это время был Игорь Северянин, пригласивший с собой в турне

Владимира Маяковского и Давида Бурлюка. Поэты проехали по многим городам Крыма: Симферополь – Бахчисарай – Ялта – Гурзуф – Алушта

– Севастополь и, наконец, Керчь. Это был не сезон и денежные сборы не оправдали надежд поэтов. В Керчи в гостиницу к Игорю Северянину пришел юный керчинский поэт Георгий Шенгели. Слушать его собралась вся компания поэтов, приехавшая в Керчь. Оценки молодого поэта были положительными. Маяковский одобрил: «Есть места. Вот у Вас «голос хриплый, как тюремная дверь». Шенгели ушел воодушевленный.

К Игорю Северянину Шенгели сохранил теплое отношение на всю жизнь, сильным влиянием Северянина был отмечен дебютный сборник стихов Шенгели «Розы с кладбища» [9], в котором автор вскоре разочаровался и уничтожил все доступные ему экземпляры. В том же году выступил с первой публичной лекцией «Символизм и футуризм».

Летом 1914 года Шенгели поступил на юридический факультет МГУ; несколько месяцев жил в Москве, гостил у Д. Бурлюка на хуторе под Москвой. Поздней осенью перевёлся в Харьковский университет, где служил его дядя – профессор химии Владимир Андреевич Дыбский, чья дочь Юлия (1896–1972) стала первой женой Шенгели. В 1916 году молодой поэт совершил два всероссийских турне с Игорем Северяниным, где они читали свои поэмы и лекции. Главным образом поездки были по южным городам, но весной того же года с большим успехом провели вечер в Петроградской государственной думе. В том же году Шенгели выпустил сборник стихотворений «Гонг» [13], отмеченный литературным критиком Ю. Айхенвальдом в петербургской газете «Речь», а осенью в Москве с этим сборником пришел знакомиться с Валерием Брюсовым на Мещанскую (квартира Брюсова), где они обменялись рядом колкостей. Осенью состоялась вторичная встреча с ним в Баку, куда поэтические странствия забросили Шенгели с Северяниным. Им еще предстояло сотрудничество в начале 1920 в Брюсовском институте.

С окончанием Харьковского университета по юридической специальности в 1918 году совпал выход сборника его стихотворений «Раковина» [27], знаменующий переход к более аскетической стилистике и демонстрирующий отточенную технику и литературную эрудицию. Всего же за эти годы учебы опубликованы пять сборников стихов [15, 20, 13, 11, 27].

В Коктебеле у Максимилиана Волошина Георгий студентом впервые появился весной 1917 года, а осенью следующего, уже дипломированным – снова был там. Оба поэта сразу сошлись на переводах французских парнасцев, любви к Восточному Крыму. В фондах Коктебельского музея сохранилось письмо Волошина к Шенгели от 11 де-

кабря 1917 года с критикой его переводов сонетов Эредиа [6], которая, надо думать, пошла переводчику на пользу, так как в 1920 году в Одессе переводы вышли отдельным изданием [31]. В Харькове, где жил тогда Шенгели, выходит вскоре его статья о поэзии Волошина [23], выражающая несомненный интерес и восхищение младшего поэта старшим. А позже, после выхода волошинского сборника «Иверни» в 1918 году и летнего визита 1918 года напечатана и более существенная статья о Коктебеле, его обитателях и «хозяине места» – «Киммерийские Афины» [19].

Харьковский период (1914–начало 1922 за вычетом отъезда в Крым и Одессу (1919–1921) творчества поэта можно считать самым плодотворным, хотя в условиях революции и Гражданской войны нередко приходилось голодать. Кроме занятий в университете Шенгели участвует в диспутах Литературно-художественного кружка (1917–1919), организывает издательство «Синяя птица», совершает два турне с Игорем Северяниным, преподает в студии стиха, проводит лекции в клубах. Кроме отдельных сборников отмечено участие Шенгели в журналах и альманахах: (1917 – ежемесячник «Ипокрена», 1918 – «Камена», 1919 – журнал «Творчество»), которых, несмотря на жизненную нестабильность, выходило множество.

Весной 1919 года Шенгели был командирован из Харькова в большевицкий Крым, получив назначение «комиссаром искусств» в Севастополь. Но вскоре, летом того же года, после прихода в Крым Белой армии, вынужден был скрываться. С фальшивым паспортом, выданным Севастопольской парторганизацией, он пробрался в знакомую Керчь, а осенью – в Одессу. Георгий еще не знал, что, вернувшись вторично в Крым, красные расстреляют в Керчи его старших братьев, Евгения и Владимира – офицеров Белой армии. Семейная трагедия навсегда наложила отпечаток тревоги и дисгармонии на его характер и мировосприятие. Но кипучая творческая энергия Георгия Шенгели побуждала, ее он направил на литературную деятельность.

В 1920-е годы Шенгели – частый гость у Волошина, он знакомится с гостями хозяина, читает стихи, вступает в споры. Вкусы и темы Георгия схожи с волошинскими. Как и Волошину Шенгели любит Восточный Крым, ему близка тема ужасов Гражданской войны, тема будущего России. Возможно, эти беседы с маститым поэтом подтолкнули его к более серьезным исследованиям ритма и стихосложения. В поэзии он считал свое направление «неоклассицизмом», «новым пушкинизмом», а образцами ему служила поэзия Волошина, Мандельштама, Ходасевича.

Полтора года в Одессе отмечены сотрудничеством в издательстве «Аониды», где вышли его переводы с французского Эредиа (1920), книги «Нечаев. Драматическая поэма (1920) «1871: Драм. сцены в стихах» (1921), Еврейские поэмы (1920), «Израец: Четвертая книга стихов» (1920).

Вернувшись осенью 1921 г. в Харьков, Шенгели оказался уже признанным поэтом: сборники стихов и переводов, изданных в Харькове, Петрограде (условно), Одессе, драматические поэмы, первая литературоведческая работа «Два памятника» [14], где дан разбор одноименных стихотворений Пушкина и Брюсова, – и это не считая напряженной переводческой работы, вылившейся вскоре в издание Полного собрания поэм Э. Верхарна (1922–1923) [1], стихотворений Гейне (1924) и Гюго (1925). Указанные переводы выходили уже в Госиздате, в Москве, как и 2-ое изд. его стихотворного сборника «Раковина» (М.-Пг.: Гиз, 1922 – 120с.) с существенно расширенным содержанием.

Весной 1922 года Георгий Шенгели был избран действительным членом Государственной академии художественных наук, где работали многие известные деятели из разных областей искусств, и перебрался из Харькова в Москву. В Москве Шенгели познакомился с поэтессой, переводчицей Ниной Манухиной (1893–1980), ставшей через два года его второй женой. С лета 1922 года он посвящает ей стихи

Н. М.

*В Пантикапее, в склепе Деметры,
Я видел фреску – твои глаза...
Тогда гудели полынные ветры
И канонадой глохла гроза.
И, опьяненный ветром и громом,
В жизнь уходил я, в гуды стихов,
Я захлебнулся льдом и ромом –
Градом восьми безумных годов.
Но где-то – знаю – в омуте мутном
Мерцал потаенно широкий взор, –
О древнем, о смутном, о бесприютном,
Ушедшем в сумрак могильных нор.
И проявилась бледная фреска:
Передо мною глаза твои,
Гончарной лазури, карего блеска
В меня проливая струи.
Я снова, снова в склепе Деметры,*

*Гроза отгремела, ушли года,
Стихи умолкли, утихли ветры,
Простерт я навзничь, лег – навсегда...*

Август 1922

Снова и снова, уже вдали от Понта, возвращаются и проходят образы любимого города, невозвратной юности...

В течение 1925–1927 годов Шенгели был председателем Всероссийского союза поэтов, преподавал в Брюсовском институте – ВЛХИ¹. Летом 1924 года в письмах Шкапской [7] он описывает события: приезд М. Волошина, лекцию в РАХН Вяч. Иванова После смерти Брюсова в октябре 1924 года Шенгели становится главным стиховедом в Институте, как бы его последователем. В эти годы выходит ряд его литературоведческих и педагогических работ, как, например, семь изданий «Как писать статьи, стихи и рассказы» [18], доходивших до тиражей 39 000 экземпляров.

Пожалуй, эти первые московские годы, в продолжение харьковских, были наиболее активны общественной деятельностью Шенгели и обещающие широкие перспективы его дальнейшей жизни. Шенгели был не только поэтом и переводчиком, его работы «Практическое стиховедение» (М., 1923) [26], «Трактат о русском стихе» (Одесса, 1921; 2-ое изд. в М.-Пг., 1923) [30], «Техника стиха», «Практическое стиховедение» (1940) и другие, создали ему имя ученого-литературоведа. В 1927 г. вышла его тринадцатая поэтическая книга «Норд» [22]. Неожиданно возник конфликт Шенгели с Маяковским. Последний в стихотворении «Письмо Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926) негодовал:

*...молотобойцев
анapestам
учит
профессор Шенгели.
Тут
не поймёте просто-напросто,
в гимназии вы,
в шинке ли?
[4, с. 208]*

Маяковский имел в виду вышеупомянутую популярную брошюру Шенгели «Как писать статьи, стихи и рассказы», которая была заказана

М. И. Ульяновой и впервые вышла под её редакцией в издательстве «Правда и Беднота». Брошюра адресовалась начинающим советским авторам, не знакомым с азами литературного ремесла. Шенгели не остался в долгу. Однако публикация в том же году его брошюры «Маяковский во весь рост» [21] тиражом 5000 экземпляров, где творчество «первого» поэта было оценено не лучшим образом: например, отвергается миф о реформе Маяковским русского стиха, а по социальной принадлежности эта поэзия отнесена к «люмпен-мещанскому» разряду, – отторгает Шенгели от руководящих и преподавательских постов в столице, он оказывается «ненадежным» и на подозрении.

В том же году поэт переезжает в Симферополь, получив приглашение из Таврического университета. Об этом в письме Шенгели к Северянину от сентября 1927 года: «...в Симферопольском университете мне предложили солидную кафедру, с приличным окладом. И спокойная обеспеченная жизнь, уравновешенная работа, определенный досуг, – с огромной силой поманили меня, обещая развязать душу для творчества, для научной работы. А провинции я не боюсь» [5, с. 24]. Возглавлять пришлось кафедру в Педагогическом институте, в это время шла реорганизация Таврического университета. Он уехал один, жена осталась в Москве. В Симферополе написано стихотворение «Изгнание» (Здесь медлит осень. Здесь еще тепло...»). Несмотря на радужные надежды, изложенные в письме Северянину, отъезд из Москвы он воспринимает, как добровольное изгнание. Мой отец, Н. Д. Жуковский, бывший тогда школьником, вспоминал, что за стеной их съемной комнаты поселился Шенгели. Это было время ареста его отца, Д. Е. Жуковского. Возможно, Шенгели предчувствуя роковые перемены в жизни Москвы, увидел их и в Симферополе. Академия художественных наук в Москве вскоре была закрыта, а многие ее сотрудники посажены в тюрьмы или отправлены в ссылки.

В это время Георгий Аркадьевич пишет беллетризованные мемуары «Черный погон» не оконченные автором и до сих пор не опубликованные полностью, машинописная рукопись их хранится в РГАЛИ [8].

В «романе с ключом», как еще именуют этот жанр, отражены частично биографические события и переживания предшествующих трагичных лет Гражданской войны в Керчи и Одессе, – это реальный маршрут автора повествования в 1919–1920-х годах. Начало действия публикуемых глав романа развертывается в Керчи, откуда впоследствии, спасаясь от денкинской контрразведки, герой романа морем перебирается в Одессу, где встречается с рядом литераторов из Москвы и Петрограда, выведенных Шенгели под вымышленными именами: ака-

демик Шевелев – И. А. Бунин, Юстиниан Хорватов – М. А. Волошин, Андрей Енот – А. Соболев (псевдоним Юлия Михайловича Соболя (1888–1926), русского, советского писателя), Семен Смушкевич – С. С. Юшкевич (Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927), одессит, писатель, драматург. Умер в эмиграции), Петр Рылский — П. Пильский (Пильский Петр Мосеевич (1876–1941), журналист, критик, писатель. Эмигрировал в Латвию, сотрудничал в газете «Сегодня»), Тарас Сагайдачный – В. М. Дорошевич. Автор «Черного погона» собственноручно оставил на машинописном тексте вписанные карандашом истинные имена персонажей. Опубликованы только начальные главы повествования, касающиеся Керчи.

«В моей комнате — кровать, стол, стул. В моей комнате – беленые стены, насвежо крашенный желтый пол; сквозь щели плохо пригнанной двери пахнет цветущей маслиной, полынью, чобром. Шумит море, свистит в иолантусах ветер, цикада стрекочет, отмеривая время. Лампа с насаженным на стекло лоскутком бумаги, уже обуглившимся от жара, слегка мигает. Ночь. Я один. И раньше бывали бессонные, одинокие ночи, но тогда перед глазами выстраивались фразы Флобера, сверкала шлага гимназического учителя Штирнера и пасьянсом раскладывались строфы Малларме: не сходится, надо сначала (кстати, почему у меня Малларме ассоциируется с подлейшим городом Армавиром?). Во всяком случае я был молод и жаден. Но между раньше и теперь легло десять лет; золото плотно засело в зубах, и в волосах запуталось немало платины. И я сижу, ночью, один, в этой крымской деревне, в этой бедной комнате с насвежо крашенным желтым полом, и подвожу итоги. Печальное дело...» [24, с. 125-126] «...Ночь. Мой щенок завозился под кроватью. Надо его вывести погулять. Ух, ветер! Горы, днем такие мягкие, замшевые, пульсирующие в восходящих токах зноя, – теперь стали черными окаменелыми хлебами. Самую высокую царапает нижней звездой чудесный ромб Пегаса» [24, с. 126].

Керченские реалии: «Улица вытягивается и ломается, впадает в другую, от улицы бегут переулочки и выводят меня на Старый базар. Все, как десять, как пятьдесят лет назад: греческие кофейни топорщатся круглыми столиками у входов. Переулочек бежит влево» [24, с. 130].

И ностальгия по тем временам юности: «Как хотелось бы мне воротить двенадцатый – тринадцатый годы, с «Огоньком», «Синим журналом», с первыми стихами Ахматовой, со спорами об Игоре Северянине, с тихим и пристойным домом отца Алексея, с моей бабушкой, которой я говорил, прочитав Шопенгауэра: «Бабушка, ты – мое представление» [24, с. 134].

В 1930 году поэт возвращается в Москву, возобновляется семейная жизнь и новые общественные должности.

С конца 1920-х годов к Шенгели пришло ощущение гибельности эпохи, в которой приходится жить, на его глазах шел процесс становления советской литературы, сопровождавшийся уродливыми явлениями, предательствами, исчезновениями и преследованиями лучших поэтов и ученых. И уже совсем по-другому звучит обращение «Поэту», чем в 1918:

*Что успел ты? Где твой мир невучий?
Долог путь, а мало впереди
Дней и лет. Так стисни зубы круче
И спеши! Не жди! Иди!*

1932

Чувство крушения надежд выражено в стихах 1930-х годов:

«И любимый мой город разрушен, / И в чужом предстоит умереть...», – пишет он, имея в виду теплый город своего детства и юности – Керчь и Москву, где приходится жить и где он ощущает себя неуютно.

В письме к поэтессе, советской журналистке М. Шкапской (1891–1952) выражает свое состояние от пребывания в столице 19 марта 1932: «Через три дня исполняется десять лет с момента переезда в Москву, – будь проклят день, когда я решился на этот переезд. Десять лет почти совершенно бесплодных – ни одной настоящей работы, жалкая пачечка стихотворений, ведро валерьяновых капель, веронал, неврастеническая тоска - по морю, по солнцу, по свободе, по хорошему мужскому разговору и пр.» [10, с. 248].

В 1935 году после восьмилетнего перерыва вышел сборник Шенгели «Планер» [25] – первый после «Норда», более чем десятилетний перерыв после стихотворного каскада начала 1920-х годов.

*Небо на горы брошено,
Моря висит марина
Там, где могила Волошина,
Там, где могила Грина...*

Перечислены те, кого мог он считать своими учителями, чьей дружбой дорожил, память о ком была дорога ему и кого уже нет.

Можно сказать, что с середины 1930-х гг. оригинальных стихов Шенгели практически не писал, следующий сборник «Избранные стихи: 1914–1939» [16] вышел незадолго до войны.

Шенгели сосредоточился на активной переводческой и организаторской деятельности. В 1930-е годы он заведовал переводами «Литературы народов СССР» в Госиздате. Благодаря ему получали работу такие известные поэты, как Анна Ахматова, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, русская советская поэтесса, переводчица Вера Звягнецова (1894–1972), а также и более молодые: советская поэтесса, переводчица Мария Петровых (1908–1979), Арсений Тарковский, русский, советский поэт, переводчик, художник Аркадий Штейнберг (1907–1984), русский, советский поэт и переводчик Семен Липкин (1911–2003) и сколькокие еще. Можно говорить о переводческой школе Георгия Шенгели. Осип Мандельштам пишет в 1933–1934 году, обращаясь в шуточных стихах к Марии Петровых:

*И чтобы вы без всякого представительства
Вошли к Шенгели в кабинет издательства...*

Так что все-таки Георгий Аркадьевич был важной персоной в литературном мире Москвы.

В 1935 году его посетил недавно приехавший в Москву Даниил Жуковский, в надежде получить переводческую работу, о чем он упоминает в письме к Е. К. Герцык.

Георгий Аркадьевич Шенгели внес большой вклад в развитие русской поэтической культуры. Он известен как поэт и мастер поэтического перевода, как автор поэтических переводов французских (Гюго, Верхарна, Верлена, Эредиа), английских (Байрона), немецких (Гейне) поэтов, а также восточных (таджикской – Хайям, Махтум-Кули, Лахути).

Много и плодотворно трудился Г. А. Шенгели в области изучения русского стихосложения. Еще в 1916 году, написал он свою первую стиховедческую работу – «Два памятника», вышедшую в 1918 году, где сравнивал стихи Пушкина и Брюсова не в пользу последнего. С тех пор с увлеченностью исследователя он постоянно возвращался к проблемам русского стихосложения. Поэт, переводчик, филолог, он располагал богатыми и разнообразными данными для изучения стиха. Известны его ранние теоретические работы по стиховедению «Трактат о русском стихе. Ч.1: Органическая метрика» [30], «Практическое стиховедение» [26].

Широкая историко-литературная эрудиция и теоретический кругозор органически сочетались у Г. А. Шенгели с богатым внутренним чувством стихотворной формы, с умением экспериментально подходить к стиху. Стихосложению посвящена и последняя, не завершенная им книга – «Техника стиха» [29], над которой Г. А. Шенгели работал до последних дней своей жизни, часть глав которой были опубликованы еще перед войной, в 1940 году, а полностью лишь посмертно в 1960 году [28]. Как писал Гаспаров в своей статье «Георгий Шенгели – ученый поэт»: «Поэтом Шенгели был по самоощущению, переводчиком – по житейским обстоятельствам, ученым – по призванию» [3].

В книге Г. А. Шенгели «Техника стиха» собран богатый материал для обоснования этого положения. Простейшим примером может служить анализируемая им распространенность в русском стихе четырехстопного ямба. В конечном счете, она определяется тем, что этот размер является наиболее емким по отношению к словарному составу русского языка, то есть с наибольшей легкостью вмещает в себя слова с различным количеством слогов и дает возможность гибкой их синтаксической и строфической организации.

В последние годы своей жизни Г. А. Шенгели много работал над звукозаписью и тщательной математической обработкой полученных им данных, стремясь определить длительности звуков речи, пауз и т.д. Собранные им материалы не были в достаточной степени завершены и обоснованы, но сама попытка изучения стиха при помощи современных приборов звукозаписи является чрезвычайно плодотворной, и остается только пожалеть, что намеченное большое теоретическое исследование в этой области Г. А. Шенгели не удалось осуществить.

В войну Шенгели в эвакуации жили во Фрунзе, занимаясь переводами, Георгий Аркадьевич в 1941–1945 годы пишет поэму «Повар базилевса», ссылаясь на утерянную рукопись из сундука бабушки, в которой вымысел переплетается с событиями Византийской империи. Коварство и жестокость, выведенные в борьбе за трон, могли напомнить и события настоящего дня. Где же он был более искренен: в поэме о Сталине, написанной позднее (кому из советских поэтов не пришлось сделать этого жеста в сторону вождя?), или в поэме о Византийском императоре? И снова образы Пантикапеи, в которой начинается действие поэмы.

*Да и здесь, на Босфоре Киммерийском
Тоже здесь хорошо на закате –
Надо сесть на горе Митродата,*

*Не глядеть на город у подножья,
А глядеть на Азийский берег...*

Вернувшись в Москву в конце войны, Шенгели много болел. Оставаясь верен своему творчеству, чувствовал, как оно оставляет его, страдал от не востребованности:

*Я начинаю забывать стихи,
Так улетают из вольера птицы.
Видать в душе не стало ни крохи
Для иволги, малиновки, синицы...*

Так писал он в 1953 году, за три года до смерти. И уже в 1955 году, за год до смерти, Шенгели произносит в прощальных стихах дорогие ему имена русских поэтов-современников, рядом с которыми ему пришлось пережить страшные, жестокие, и тем не менее дорогие сердцу годы творческого горения, те, которые составили ему имя и бессмертие. Он знал их всех и видел всех почти: Валерия, Андрея, Константина, Максимилиана, Осипа, Бориса, Ивана, Игоря, Сергея, Анну, Владимира, Марину, Вячеслава

По этому списку мы узнаем Валерия Брюсова, Андрея Белого, Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Игоря Северянина, Сергея Есенина, Анну Ахматову, Владимира Маяковского, Марину Цветаеву, Вячеслава Иванова – блестящие имена русской поэзии, составившие славу веку поэзии, названному «Серебряным».

После смерти наследием поэта занималась его жена Н. Л. Манухина, но издать посмертную книгу поэта «Вихрь железный» [12] удалось только в перестроечные годы и уже в новой России собран наиболее полный том произведений Шенгели (стихи, частично прозы и воспоминаний) Вадимом Перельмутером в книге «Георгий Шенгели. Иноходец» [17], куда кроме стихов вошли поэмы, литературные статьи, воспоминания.

Примечания

¹ ВЛХИ – Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова (в разговорной речи «Брюсовский институт») – специальное высшее учебное заведение в Москве с 1921 по 1925 годы. В институте готовили писателей, поэтов, беллетристов, драматургов, критиков и переводчиков (3-годичный курс обучения).

Список литературы

1. Верхарн Э. Полное собрание поэм в переводах Георгия Шенгели / Э. Верхарн. – М.: Гос. изд-во, 1922—1923.
2. Волошин М. Иверни: (Избранные стихотворения) / М. Волошин. – М.: Творчество, 1918.
3. Гаспаров М. Георгий Шенгели, ученый поэт / М. Гаспаров // Арион. – 1997. – №4. – С. 32–36.
4. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. – М., 1958.
5. Перельмутер В. Живущий на маяке / В. Перельмаутер // Шенгели Г. Иноходец: Собрание стихов. Повар базилевса: Византийская повесть. Литературные статьи. Воспоминания. – М.: Совпадение, 1997.
6. Письмо Волошина к Шенгели от 02.XII.1917 // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1913–1917 / М. Волошин. – М.: Эллис Лак. 2011.
7. РГАЛИ. Ф. 2184, оп. 1, ед. хр. 530.
8. РГАЛИ. Ф. 2861, оп. 1, ед. хр. 59, л. 2–44.
9. Розы с кладбища: (Поэзы). – Керчь: Тип. П. Крайденко, 1914.
10. Рудин из Брюсовского института (письма Г. А. Шенгели М. М. Шкапской 1923–1932) / Публ. Шумихина // Минувшее. – 1997. – №15.
11. Шенгели Г. Апрель над обсерваторией / Г. Шенгели. – Пг.: Кн-во «L'oiseau bleu», 1917.
12. Шенгели Г. Вихрь железный. Поэмы / Г. Шенгели. – М.: Современник, 1988.
13. Шенгели Г. Гонг: Поэзия. Кн. V / Г. Шенгели. – Пг.: Кн-во «L'oiseau bleu», 1916. – 94 с.
14. Шенгели Г. Два «Памятника» / Г. Шенгели. – Пг.: «L'oiseau bleu», 1918.
15. Шенгели Г. Зеркала потускневшие: Поэзы / Г. Шенгели. Кн. II. – Пг.: Кн-во «L'oiseau bleu», 1915
16. Шенгели Г. Избранные стихи: 1914–1939 / Предисл. А. И. Белецкого; Худ. Б. Шварц / Г. Шенгели. – М.: Гослитиздат, 1939. – 240 с.
17. Шенгели Г. Иноходец: Собр. стихов. Повар базилевса: Византийская повесть. Литературные статьи. Воспоминания / издание подготовлено В. Перельмутером / Г. Шенгели. – М.: Совпадение, 1997.
18. Шенгели Г. Как писать статьи, стихи и рассказы / Г. Шенгели. – М.: «Правда» и «Беднота», 1926. – 80 с
19. Шенгели Г. Киммерийские Афины / Г. Шенгели // Харьков: Парус, 1919. – №1.
20. Шенгели Г. Лебеди закатные: Поэзы / Г. Шенгели. Кн. III. – Пг.: Кн-во «L'oiseau bleu», 1915
21. Шенгели Г. Маяковский во весь рост / Г. Шенгели. – М.: Всерос. союза поэтов, 1927.
22. Шенгели Г. Норд / Г. Шенгели. – М.: Всерос. Союз поэтов, 1927.

23. Шенгели Г. О стихах Максимилиана Волошина / Г. Шенгели // Ипокрена. – Харьков, 1918. – № 2/3.
24. Шенгели Г. Очерки белогвардейского тыла / Публ. А. В. Маньковского / Г. Шенгели // Встречи с прошлым. – Выпуск 7. – 1990.
25. Шенгели Г. Планер: Стихи / Худ. Н. Ушакова / Г. Шенгели. – М.: ГИХЛ, 1935.
26. Шенгели Г. Практическое стиховедение / Г. Шенгели. – М.: Кнво писателей в Москве, 1923. – Изд. 2-е., испр. и доп. Л.: Прибой, 1926.
27. Шенгели Г. Раковина: Стихи / Г. Шенгели. – Б. м.: Камена. (Тип. Нотовича в Керчи), 1918
28. Шенгели Г. Техника стиха. Практ. стиховедение. [Изд. 3, перер.] / Г. Шенгели. – М.: Сов. писатель, 1940. – 136 с.
29. Шенгели Г. Техника стиха [Предисл. Л. И. Тимофеева] / Г. Шенгели. – М.: Гослитиздат, 1960. – 312 с.
30. Шенгели Г. Трактат о русском стихе. Ч. 1: Органическая метрика / Г. Шенгели. – Одесса: Всеукр. гос. изд., 1921. – Изд. 2-ое, перераб. М.–Пг.: ГОС. изд., 1923.
31. Эредиа Ж. М. Избранные сонеты / Пер. Г. Шенгели/ Ж. М. Эредиа. – Одесса: Омфалос, 1920.

SHENGELIA GEORGIY:
POET, THEORISTS POEMS AND TRANSLATOR

Zhukovskaya Tatyana Nikitichna,

*Research Associate,
Literature and Art Museum Marina and Anastasia Tsvetaevy, Alexandrov
(Russia, Moscow),
e-mail: zhukt07@rambler.ru*

The article examines life and work of the poet, translator, literary critic George Shengeli that had inextricably been linked with the Crimea, his formation on the literary way, relationship with the futurists, polemic with V. Mayakovsky. The article also presents fragments of the fictionalized memoir «Black epaulets» not finished by the author and has not been published in full yet.

Keywords: *George Shengeli, Crimea, Kerch, futurism, Koktebel, Maximilian Voloshin, Pushkin, Bruce, polemics, literary criticism, the verse technique.*

References

1. E. Verhaeren Complete Collection of poems in translation Shengeli George / E. Verhaeren. Moscow: State. Publishing House. 1922-1923.
2. M. Voloshin Iverni (Selected Poems) / M. Voloshin. Moscow. 1918.

3. Gasparov M. George Shengeli scientist poet / M. Gasparov // Arion. 1997. №4. P. 32-36.
4. Mayakovsky V.V. Complete Works. T. 7. Moscow, 1958.
5. Perel'muter B. Living in a lighthouse / V. Perelmauter // Shengeli G. Pacer: A collection of poems. Cook Basileus: Byzantine novel. Literary articles. Memories. Moscow: Match. 1997.
6. The letter to Voloshin Shengeli by M. Voloshin 02.XII.1917 // Collected Edition. T. 10. Letters 1913-1917 / M. Voloshin. Moscow: Ellis Lak. 2011.
7. RGALI. F. 2184. Inv. 1. Storage unit 530.
8. RGALI. F. 2861. Inv. 1. Storage unit 59, l. 2-44.
9. Roses from the cemetery (poetry). Kerch: Type. P. Kraydenko. 1914.
10. Rudin of the Bryusov Institute (letters G. A. Shengeli to M. Shkapskaya 1923-1932) / Publ. Shumikhina // The past. 1997. №15.
11. Shengeli On April over the observatory / G. Shengeli. Petergrad. 1917.
12. Shengeli G. Vortex iron. Poems / G. Shengeli. Moscow: Contemporary. 1988.
13. Shengeli Mr. Hong: Poetry. Bk. V / G. Shengeli. Petergrad. 1916. - 94 p.
14. Shengeli H. Two «Monument» / G. Shengeli. Petergrad. 1918.
15. Shengeli G. Tarnished mirrors: Poetry / G. Shengeli. Bk. II. Petergrad. 1915
16. Shengeli G. Selected Poems: 1914-1939 / Foreword A.I. Bielecki; Hood. B. Schwartz / G. Shengeli. Moscow: Goslitizdat. 1939. 240 p.
17. Shengeli G. Pacer: Coll. poetry. Cook Basileus: Byzantine novel. Literary articles. Memories / publication was prepared by V. Perel'muter / G. Shengeli. Moscow: Match. 1997.
18. Shengeli G. How to write articles, poems and short stories / H. Shengeli. Moscow: «True» and «the poor». 1926.
19. Shengeli G. Cimmerian Athens / G. Shengeli // Kharkov: Sail, 1919. №1.
20. Shengeli G. Swans sunset: Poetry / G. Shengeli. Bk. III. Petergrad: KH-in «L'oiseau bleu». 1915
21. Shengeli G. Mayakovsky full height / G. Shengeli. Moscow: Proc. Poets Union. 1927.
22. Shengeli G. Nord / G. Shengeli. Moscow : Proc. Poets Union. 1927.
23. Shengeli G. On poems Voloshin / G. Shengeli // Ipokrena. Kharkiv. 1918. № 2/3.
24. Shengeli G. White Guard rear Essays / Publ. A.V. Mankovsky / G. Shengeli // Date in the past. Issue 7. 1990.
25. Shengeli G. Planer: Poems / G. Shengeli. Moscow. 1935.
26. Shengeli G. Practical prosody / G. Shengeli. Moscow. 1923.
27. Shengeli G. Sink: Poems / G. Shengeli. Kerch. 1918
28. Shengeli G. Verse technique. Practice prosody / G. Shengeli. Moscow. 1940.
29. Shengeli G. Verse technique [Pre. L.I. Timofeev] / G. Shengeli. Moscow: Goslitizdat. 1960. 312 p.
30. Shengeli G. Treatise on Russian verse. Part 1: Organic metric / G. Shengeli. Odessa: Vseukr. state. ed, 1921.
31. Heredia J.M. Selected Sonnets / Trans. G. Shengeli / J.M. Heredia. Odessa: Omphalos.1920.

